Переселение Черноморского казачьего войска из-за Буга на Кубань

Прочее

Переселение на Кубань черноморская администрация начала организовывать еще до получения жалованной грамоты. Первая партия пеших черноморцев в количестве 3847 человек под командой полковника Саввы Белого высадилась на Тамани 25 августа 1792 г. Осенью двинулись обозы семейного казачества. Переселение, которым руководил Головатый, затянулось до конца следующего года.К переселению на Кубань различные группы казачества отнеслись по-разному. Часть казаков решительно отказалась выполнить приказ о переселении. Буржуазные историки Короленко и Щербина, идеализируя положение казачества, давали своеобразные, не соответствующие действительности истолкования этому факту. Щербина, например, отказ от переселения объяснял исключительно боязнью хозяйственного разорения. При таком воззрении можно было, в первую очередь, ожидать отказа от переселения со стороны семейных казаков, располагавших известным имуществом и боявшихся его потерять. С другой стороны, те же историки склонны были изображать переселение на Кубань как результат единодушного волеизъявления всего казачества. По этому поводу Щербина замечает: «Выработан и выполнен этот план был всецело многолюдною казачьею общиною и ее выборным правительством».В действительности, переселение на Кубань лишний раз вскрыло противоречия между разными социальными группами казачества. Прежде всего свой протест против переселения на Кубань выразила черноморская серома.

Казачьих батраков и военных наемников отнюдь не прельщала перспектива наемной кабалы на далекой Кубани. Та часть серомы, которая работала на рыболовных промыслах различных предпринимателей, не принадлежавших к войску, также предпочитала остаться на старых местах— за Бугом, у днестровских лиманов, в Крыму. Часть искала удачи за Днестром, перебираясь в Задунайскую Сечь.В июне 1794 г. де-Рибас сообщал старшине Федору Черненко о том, что граф П.А. Румянцев-Задунайский распорядился всех черноморцев, которые «на правом берегу Днестра работы ищут» зачислить в гребную флотилию. Федор Черненко, уполномоченный Коша по розыску и пересылке серомы на Кубань, в письме Головатому от 1 ноября 1794 г. свидетельствовал, что казаки из-за тяжкой нужды «начали уходить на правую сторону реки Днестра».Войсковая администрация стремилась принудить бедноту подчиниться распоряжению о переселении на Кубань. В таком духе Чепега отдал приказ полковому хорунжему Журавлевскому еще 11 июля 1792 г. Приказ требовал немедленно собрать всех казаков, отпущенных на заработки в селения, хутора и к неводам, для отправки их на Кубань. Из письма Габлица Головатому от 4 августа 1793 г. видно, что черноморская старшина обращалась к таврической губернской администрации с просьбой задерживать всех черноморцев с паспортами, «а равно и прочих, в виде черноморцев без письменных видов праздношатающихся», и пересылать в распоряжение казачьих властей.Некоторая часть черноморской бедноты предпочитала переселению на Кубань даже долю крепостных. Эта кажущаяся странность объясняется тем, что «малодушные» новороссийские помещики, колонизовавшие степи, всеми правдами и неправдами «зазывали» к себе разных беглецов, обещая им всевозможные льготы. В среде черноморской бедноты встречались элементы, которые долго метались между крепостным ярмом и казацкой «волей». Они становились крепостными, чтобы затем вернуться в войско, а через некоторое время снова уйти к помещику. В этом отношении любопытна биография черноморца Матвея Мусейченко, изложенная им на допросе в 1799 г. Сын реестрового казака из Лохвицы, батрак- сирота, он в 1787 г. поступил в

гребную казачью флотилию; в 1792 г. в отряде С. Белого был высажен на Тамани; через год, получив паспорт, ушел в Крым, в слободу помещика поручика П. Апостолова, находившуюся возле Еникале. В 1795 г. Апостолов внес его в ревизскую сказку. Через два года Мусейченко ушел на Кубань и даже поставил вместо себя на службу казака Корсунского куреня Трофима Сосну. Восстановив тем свои казачьи права, он взял у начальства годовой паспорт и снова отправился к помещику. Полковой старшина Лисица 19 апреля 1793 г. рапортовал Головатому, что «некоторые казаки скрываются в помещичьи слободы на жительство» и не желают идти на Кубань.Кроме абсолютно неимущего люда, на Кубань отказывалась следовать часть маломощного казачества, которую разными льготами соблазняли остаться на месте нахлынувшие за Буг помещики. Путем разного рода мошеннических комбинаций и сделок с черноморской старшиной помещики склоняли бедных казаков вступать в крепостную зависимость. Из рапорта (подпись неразборчиво) губернатору Каховскому от 13 февраля 1798 г. видим, что нередко помещики применяли по отношению к казакам даже прямое насилие: захватывали казачьи дома, хозяйственные постройки, сено и разное имущество. В других случаях помещики «закупали» у казаков строения и затем отказывались выплатить за них следуемую сумму. При таком положении казак не мог двинуться с места без риска потерять все имущество и шел на сделку с помещиком.12 октября 1793 г. де-Рибас писал Головатому: «Полагаясь на Вашу ко мне дружбу..., прошу, ежели остаются на Очаковской степи такие запорожцы, которые в Тамань не пойдут, не можно ли приглашать их селиться на моей даче». С целью уладить этот вопрос де-Рибас посылал своего уполномоченного отставного офицера Шарафетова. Одно доверенное лицо де-Рибаса в письме Головатому от 5 апреля того же года учтиво напоминало адресату, что он весьма одолжит де-Рибаса, если согласится оставить ему часть черноморцев в качестве зависимых крестьян. Автор недвусмысленно намекал: «У нас слух носится, что другие дачи набиты черноморцами», и между строк проводил ту мысль, что если черноморская администрация оказывает услуги другим помещикам, то нет оснований

отказать такому лицу, как де-Рибас. Головатый, по-видимому, удовлетворил просьбу де-Рибаса, что подтверждается письмом того же лица от 21 апреля. При этом группу казаков получил от Головатого и сам автор письма. Выражая свой восторг по этому поводу, он откровенно писал: «Словом, вы меня сделали хозяином». Это, впрочем, был навязчивый проситель, радевший не только о себе и своем покровителе де-Рибасе, но и о своих родственниках. Он просил оказать «внимание» его зятю, некоему Савве Квашовичу, передав ему группу бывших «польских мужиков», зачисленных в черноморцы. Конечно, такого рода «одолжения» не были бесплатными. Тот же проситель убеждал Головатого: «Верьте, вы будете у меня при всяких случаях возблагодарены». В период переселения войска из-за Буга на Кубань мы видим, таким образом, бесцеремонную торговлю старшин не принадлежавшими им казаками. Некий Андрей Савицкий в письме Головатому из Слободзеи 30 апреля 1793 г. просил оставить за ним Е с. Глинном казака Якова Образа под тем предлогом, чтобы «оной при самой бедности... на пути последнего имения не потерял». Проситель уверял, что Образ сам желает остаться у него.Один из корреспондентов Головатого (фамилия неразборчиво) в письме от 8 апреля 1793 г. излагал свою просьбу в таком виде: «Ко мне явились мужики (из деревни Казачий лагерь в 25 верстах от Алешек — В.Г.) и напрашиваются на дачу мою..., где ваш майор Мокий (Гулик) имел зимовник. Они точные польские (т.е. выходцы с Правобережной Украины — В.Г.) и никак не хотят следовать в Тамань». Этот словоохотливый и разбитной проситель, уговаривая Головатого оставить в его распоряжении «мужиков», т.е. черноморцев, предупредительно подавал следующий совет: «Если же тут нужно соблюсти некоторый вид политики, не во образец прочим, то сие остается вашим благоразумием удержать и кажется велеть отдать под видом моих беглых..., означа сие в паланку в приказе». Лгал ли этот ловец душ человеческих или был близок к истине, но он так передавал настроение черноморцев, о которых шла речь: «Мужики охотно так рады себя назвать (беглыми — В.Г.), лишь бы не таскаться им на Тамань». Конечно, и в данном случае просимая услуга не была безвозмездной. Проситель предлагал

закупить «по дружбе» оставшееся за Бугом имущество Головатого.Особой энергией по части закрепощения черноморцев отличался помещик генерал-поручик де-Витт. О его комбинациях и прямом насилии в отношении черноморцев сохранилось целое дело. 8 июня 1792 г. де-Витт заключил настоящий контракт с черноморским хорунжим Заборой, очень ловким дельцом. Забора обязывался населить де-Витту целую слободу выходцами из-за границы и всякими вольными людьми. Каждого поселенца, имевшего пару волов или лошадей, де-Витт обещал освободить от повинностей на четыре года, а тому, кто не имел указанного имущества и получил бы его от помещика, предоставлялось право отработать стоимость этого имущества по «сходной» цене. Третий пункт контракта строго определял, что поселенцы должны «быть в вечном подданстве». Себе Забора выговаривал как денежное вознаграждение, так и участок земли в пожизненное владение в населяемой слободе. Нетрудно догадаться, что под легальными терминами «выходцев» и «вольных людей» подразумевались черноморские казаки. Чепега в ордере в Кинбурнскую паланку от 27 августа 1792 г. разъяснил это с полной убедительностью. Забора попросту продал де-Витту слободу своего имени — Заборину, населенную черноморскими казаками. Де-Витт, вступив во владение участком земли, на которой стояла слобода, наложил руку на казачье имущество. Возникла тяжба, которая, кстати сказать, и послужила поводом ко вмешательству в это дело кошевого атамана.Кроме неимущего казачества и части маломощного, отказывались от переселения на Кубань и некоторые группы зажиточных и богатых семей. Бывший запорожец Федор Черняк, попавший после разрушения Сечи в слободу помещика Каменского, Екатеринославского наместничества, так излагал свое дело в 1794 г. Поступив в черноморцы и получив паспорт, он забрал от помещика семью и решил избрать для себя «выгоднейший род жизни... и остался в числе казенных поселян, при р. Зуе поселенных». В данном случае, ввиду отсутствия экономической характеристики Черняка, трудно определить его социальное положение. Переселяться на Кубань отказался также казак Корсунского куреня И. Мармусевич (он же Пикинер). Полковой старшина И. Малый в

рапорте Головатому от 2 августа 1798 г, точно определил социальное положение Мармусевича: «Он же Пикинер чуть ли не делает откупов в рыбной ловле». Сын Пикинера, жалуясь на своего отца за невыдел имущества, обогатил характеристику своего родителя указанием на то, что отец его барышничал скотом и лошадьми и сам был крупным скотоводом и коневодом. Впрочем, случаи отказа от переселения со стороны зажиточных элементов и богачей можно считать единичными и нехарактерными.Таким образом, старшины, не желавшие переселяться, составляли около 7% в общей массе старшин, зарегистрированных ведомостью. Нежелавшие переселяться казаки составили 10% общей массы казачества. Поселенцы, автоматически внесенные в казачьи списки при переселении, были представлены, главным образом молдаванами, жившими за Бугом еще до войны. Они не желали переселяться. С социально-экономической стороны это была масса маломощного и среднего крестьянства, тяготившегося военной службой и предпочитавшего пользоваться временными льготами, предоставляемыми помещиками за тяжкую цену превращения в крепостных крестьян. Серома не вошла в ведомость, ибо не имела дворов и семей и не была учтена при ее составлении.Как видим, в вопросе о переселении на новую территорию казачество было далеко не единодушным.

Автор: Голобуцкий В.А.